

Система селекции в высшие учебные заведения Болгарии и Польши: социалистический опыт (1948-1989 гг.)

Аннотация:

Статья посвящена эволюции политики формирования студенческого контингента в Болгарии и Польше. Основное внимание автор уделяет компаративному анализу принципов и критериев отбора молодежи в вузы, таких как успехи в аттестате о среднем образовании, результаты вступительных экзаменов, стаж работы, социальное происхождение, территориальная принадлежность, возраст, состояние здоровья. Изучение опыта селекции в вузы будет оставаться актуальным до тех пор, пока существует ограниченный доступ к системе высшего образования.

Ключевые слова:

высшее образование, прием в вузы, вступительный экзамен, Восточная Европа, Польша, Болгария, социализм.

Во второй половине XX века в высшей школе Болгарии и Польши утвердился принцип *numerus clausus*, то есть ограниченного числа студентов. Эксперимент открытого доступа в вузы, начатый в 1944 г. длился не долго. Закрытость системы высшего образования была обусловлена планированием потребностей рабочей силы, идеологической индоктринацией, ограниченными кадровыми и материальными возможностями национализированных вузов.

Вместе с тем роль стратегии образовательного развития в проекте социалистической модернизации, отсутствие иных, кроме образовательного, каналов восходящей социальной мобильности сформировали культ образования в восточноевропейском обществе. Преодоление неграмотности и переход к всеобщему среднему образованию с каждым послевоенным десятилетием увеличивали количество претендентов, имевших формальные основания на поступление в вуз. В результате расширение образовательных устремлений молодежи в Болгарии и Польше стало опережать потребности государства в кадрах специалистов.

Диспропорции спроса на высшее образование и предложений вузов на различных исторических этапах зависели от колебаний государственной политики приема в вузы, эволюции общественных настроений, оценки своих реальных шансов потенциальными кандидатами в вузы. Соотношение количества абитуриентов и предложений высших учебных заведений показывает, что в Польше, при очевидном приоритете государственных экономических интересов, в большей степени ориентировались на потребности общества в высшем образовании, чем в Болгарии. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что конкурс в болгарские вузы был значительно выше, чем в польские. Согласно сведениям, представленным в ЮНЕСКО в 1975 г. только 25% болгарских абитуриентов становились студентами [1, с. 62]. В начале 1980-х г. конкурс в болгарских вузах достигал 10-15 человек на место, а в престижном Софийском университете был еще выше [2, с. 17].

В Польше на протяжении сорокалетия 1950-1980-х гг. количество абитуриентов превышало число принятых в вузы в среднем в два раза. Бесспорно, проблема конкурса в высшие учебные заведения дифференцировалась в зависимости от формы обучения и специальности. На протяжении всего рассматриваемого периода поступить на вечерние и заочные отделения в вузы Болгарии и Польши было намного легче, чем на дневные. Во второй половине 1960-х гг. на вечерние отделения в Польше проходило более половины претендентов, а в начале 1970-х годов практически все, кто выдержал экзамены. На дневные отделения польских вузов в 1960/61-1987/88 уч. годах поступало в среднем 46,14% абитуриентов, то есть менее половины [Рассчитано по: 3, s. 422; 4, s. 177, 179; 5, s. 182; 6, s. 200].

На протяжении всего исследуемого периода 1948-1989 гг. наименее доступными для польских абитуриентов были театральные и художественные высшие учебные заведения, куда в 1960-х гг. попадало около 35%, а в 1980-е гг. менее 30% желающих [3, s. 422; 6, s. 200]. Высоким был конкурс в эту группу вузов и в Болгарии, о чем свидетельствуют постоянное расширение требований к поступающим. Труднодоступными для молодежи обеих стран, в силу стагнации лимитов приема, были и медицинские вузы. Конкурс в этих учебных заведениях в Польше составлял 210 человек на 100 мест в 1964 г. и 302 – в 1973 г. [7, с. 117].

В то же время целый ряд специальностей в польских вузах имел практически открытый доступ. Среди вузов наименьшим интересом у абитуриентов пользовались технические, педагогические и сельскохозяйственные учебные заведения. Наибольшие возможности стать студентами в 1987/88 уч. году были у абитуриентов технических вузов (97,8% сдавших экзамены), высших морских училищ (89,7%), сельскохозяйственных академий (98,1%) [6, s.200]. Несмотря на партийные установки и призывы в 1970-1980-х гг. снижался интерес к точным наукам. Традиционно не хватало абитуриентов на специальности математика, физика, астрономия.

Например, в 1988/89 уч. году во Вроцлавском университете на 70 мест по специальности «физика» претендовало 19 кандидатов, на 10 мест по специальности «астрономия» – 6, на 80 мест по специальности «химия» – 40 абитуриентов [8, s. 419].

Предпочтения, отдаваемые молодежи тем или иным специальностям, менялись на разных исторических этапах. Однако повышенное стремление к определенным направлениям обучения часто не соответствовало государственным приоритетам и не зависело от экономических перспектив. Такая ситуация была обусловлена сохранением традиций, господством нематериальных и культурных ценностей в общественном сознании, желанием получить диплом с наименьшей затратой сил и другими факторами. В результате в Болгарии и Польше, государствах, осуществивших индустриальный прорыв к современному обществу, наибольшим был конкурс на гуманитарные, медицинские и художественные специальности. Причем, как показывает анализ статистических данных о приеме абитуриентов в польские вузы, в 1950–1980-х гг. конкурс на более престижных специальностях увеличивался, а на менее популярных снижался. Так, например, в конце 1950-х гг. во Вроцлавском университете на самых востребованных специальностях конкурс составлял 3,6–3,8 человек на место, в конце 1960-х годов – от 4,2 до 4,8, а в 1988/89 уч. году – от 5 до 8 [8, s. 171, 204, 254, 419].

Таким образом, несоответствие спроса на высшее образование и предлагаемых вузами мест для абитуриентов порождало острую социальную проблему селекции в вузы. Регулирование потока абитуриентов по специальностям, в жестком соответствии с потребностями рынка труда и принципами социалистического эгалитаризма, поставило сложную задачу формирования комплексной системы отбора абитуриентов в вузы в обеих исследуемых странах.

Определение условий и порядка приема в вузы на все формы обучения стало компетенцией ответственных за высшее образование министров. Пристальное внимание к разработке адекватной модели правил приема, как со стороны властных структур, так и общественности, вело к частым изменениям условий конкурса и требований, предъявляемым к абитуриентам. Эксперименты в системе набора в вузы были характерны для обеих стран, но для Болгарии в значительно большей степени, чем Польши.

Руководители систем образования использовали разные приемы селекции, соответствующие этапам модернизации и традициям страны. Но главные принципы, лежащие в основе системы отбора, сформулированные в условиях форсированных темпов общественной эволюции первой половины 1950-х гг., в Болгарии и Польше оставались схожими и неизменными до момента крушения социализма в 1989 г.

Максимальную эффективность средств, вкладываемых государствами в систему высшего образования мог обеспечить отбор в вузы наиболее способных, усердных, амбициозных, морально и физически здоровых молодых людей. Поэтому оформившаяся после 1948 г. система лимитированного приема в вузы имела свои отличительные черты. Она мало учитывала интересы и наклонности кандидатов, но концентрировала внимание на формальных критериях: успехи в аттестате о среднем образовании, результаты

вступительных экзаменов, стаж работы, социальное происхождение, территориальная принадлежность, возраст, состояние здоровья. Но значение тех или иных факторов оценки абитуриентов на различных исторических этапах изменялось.

Главным условием допуска к высшему образованию и в Польше и в Болгарии на всем протяжении рассматриваемого периода было **наличие диплома о среднем образовании**. Вместе с тем требование не было жестким. Правила приема в обеих странах сохраняли возможность в исключительных случаях зачисления в вузы лиц, которые не имели документа о среднем образовании, но показали достаточную степень подготовки для обучения в вузе [9, с. 19]. Однако массового размаха, такого как, например, в Югославии прием без аттестата зрелости в болгарские и польские вузы не имел.

Отношение к успехам в средней школе кандидата в студенты в двух исследуемых странах было разным. В Болгарии оценки аттестата изначально были введены в систему конкурсного отбора. В формировании проходного балла до конца 1980-х гг. включались как средний балл аттестата, так и оценки по отдельным учебным предметам [10, с. 9].

В Польше в первые послевоенные десятилетия система приема опиралась главным образом на оценку уровня знаний и умений кандидатов через вступительный экзамен. Но специальные исследования 1960-х гг. показали прямую зависимость среднего балла в аттестате о среднем образовании и успехов учебы в вузе [11, с. 19]. В результате правилами приема 1965 г. вводились дополнительные баллы (максимум 3) за хорошие оценки по отдельным дисциплинам. А с 1986 г. дополнительные баллы за среднюю оценку аттестата по восьми выбранным предметам могли составлять до 20% от общей суммы очков [12, с. 216].

Однако, в целом, и в болгарской, и в польской системе комплектования вузов во второй половине XX века всегда существовало недоверие к школьной системе оценки знаний, обусловленное различием требований к студентам и школьникам. Если в средних учебных заведениях работоспособность, систематичная работа, помощь со стороны родителей и репетиторов могли компенсировать недостаток способностей и оказывали позитивное влияние на оценки в аттестате, то в вузе уровень общих и специальных знаний являлся основным залогом успеха.

Таким образом, среднее образование было необходимым, но не достаточным условием для поступления в вуз. Задача отбора наиболее способных и подготовленных юношей и девушек обусловила приоритет **вступительных экзаменов** в системе конкурсного отбора в вузы в Болгарии и Польши на протяжении всего исследуемого периода.

Знания абитуриентов на вступительных экзаменах болгарских вузов оценивались по шестибальной системе, тогда как способы проведения экзаменов и выбор предметов менялись. Законом 1949 г. устанавливалась письменная форма экзаменов [13, с. 29]. В 1950-е годы наряду с письменными экзаменами были введены и устные. Обязательным для всех специальностей стал экзамен по болгарскому языку и литературе [10, с. 5]. В 1960-е гг. письменная форма проведения экзамена прочно утвердилась как единственно возможная [14, с. 11], а количество экзаменов по специальности было увеличено

до двух [15, 1966, № 25, с.3.]. В 1970-1980-х гг. болгарские абитуриенты сдавали только 2 экзамена (в престижных вузах 3), один из которых – по общей культуре и политической подготовке с двухбалльной системой оценки.

Таким образом, количество вступительных экзаменов в болгарских вузах было невелико. Но вступительные экзамены в системе конкурса в Болгарии имели явные преимущества. В частности, те, кто сдавал их на 5,5–6 баллов проходили вне конкурса [15, 1975, № 23, с. 7]. Кроме того, при формировании проходного балла оценки на вступительных экзаменах удваивались.

В Польше вступительные экзамены, как основа приема в вузы, централизовано были введены в 1948 г. Следует отметить, что в отличие от Болгарии, где предметы вступительных испытаний определяло министерство, польские вузы, несмотря на заметную тенденцию к унификации, сохраняли относительную самостоятельность в выборе предметов и способов проведения экзаменов.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. польские абитуриенты при поступлении в вузы сдавали письменный экзамен по специальности и устный – «Учение о Польше и современном мире» [16, 1951, № 31, roz. 246]. Закон о высшем образовании 1958 г. сохранил право вузов определять предметы специальных экзаменов, но сделал обязательным на всех специальностях испытание по одному из иностранных языков [16, 1958, № 68, roz. 336]. Внимание к содержанию вступительных экзаменов было велико. Темы письменных заданий, вопросы, выносимые на устные экзамены, методы опроса систематически подвергались критике. Основным недостатком утвердившейся экзаменационной системы, по мнению специалистов, было то, что вступительные экзамены часто не согласовывались с вузовскими дисциплинами. В результате наибольшие проблемы у студентов наблюдались с теми предметами, которые они не сдавали при поступлении в вуз [17, s. 74].

При расширении спектра критериев в процессе прохождения конкурса, в этот период, оценки, полученные на вступительных экзаменах, как и в Болгарии, сохраняли решающее значение при зачислении в вуз. Знания абитуриентов по предмету оценивались по пятибалльной системе, в рамках которой каждый балл, в свою очередь, соответствовал определенной сумме очков. Например, «очень хорошо» (5) давало 12 очков, «хорошо» (4) – 8 очков. При этом все прочие критерии в сумме не могли превышать 11 очков [7, с. 117-118].

По мере наплыва абитуриентов в Польше изменялись формы приема экзаменов. Сначала вместо устных были введены письменные экзамены, а в конце 1970-х гг., по примеру США, широкое распространение получила практика использования тестов [8, s. 319]. В частности, в медицинских институтах, вместо всех экзаменов, абитуриентам предлагался вступительный тест, который состоял из 150 вопросов по химии, биологии, физике, а его результаты централизованно обрабатывались в Варшаве. Однако система тестирования была подвергнута критике как «слишком механичная» и не закрепились в системе конкурсного отбора в польских вузах [18, s. 58-59].

Несмотря на то, что вступительные испытания в вуз проводились по программе средней школы, значительная часть абитуриентов их выдержать не могла. В 1958 г. не

сдали вступительных экзаменов в вузы Польши 40,3% абитуриентов, а в Варшавском политехническом институте 50% [19, s.48]. В 1970-1980-х гг. число абитуриентов, которые не смогли получить положительных оценок, не опускалось ниже 40%. При таком положении дополнительная подготовка в вузы приобретала особое значение. В 1960-х гг. массовым явлением стало репетиторство. В 1967 г. 32% абитуриентов Вроцлавского университета использовали услуги репетиторов. Причем 14% из них получили дополнительную подготовку от 70 до 150 часов по предмету (программа выпускного класса средней школы не превышала 100 часов по отдельной дисциплине) [20, s. 113]. Дополнительная подготовка имела разные формы, как индивидуальные, так и групповые через подготовительные курсы, которые организовывали Общество распространения знаний, Экономическое общество, Общество рабочих университетов и другие организации. По подсчетам польских социологов, сделанных в 1977 г. ими ежегодно пользовалось около 5 тысяч человек [21, s. 53]. Исследования показали, что в 1970-1980-е годы популярность репетиторов, особенно частных, возросла [22, s. 13; 23, s. 52]. Следовательно, одной из причин неравенства в доступе к высшему образованию становились материальные возможности родителей абитуриентов.

Анализ правил приема в польские и болгарские вузы показывает, тенденцию к расширению приема без вступительных испытаний. Без экзаменов зачислялись выпускники подготовительных курсов, обладатели похвальных грамот за успехи в науке в средней школе, победители различных конкурсов и олимпиад (по профилирующим дисциплинам).

В Болгарии в середине 1970-х гг. категория лиц, принимаемых в вузы без экзаменов была расширена за счет носителей правительственных и комсомольских наград (в том числе золотого значка ТНТМ) и лучших выпускников Национальной математической гимназии [15, 1978, № 22, с. 230-232]. С 1988 г. на отдельных технических специальностях, в основном в провинциальных болгарских вузах, стал практиковаться конкурс по документам без вступительных экзаменов [15, 1988, № 22, с. 9-12].

Новой формой приема, введенной в 1972 г. в Польше, явилось направление в вузы средними учебными заведениями по одному из своих лучших выпускников. Данный опыт оказался настолько плодотворным, что уже в 1973 г. каждому среднему учебному заведению было разрешено направлять в вуз без вступительного экзамена двух лучших выпускников, при условии, что один из них поступит в педагогический вуз. Таким образом, появилась возможность обеспечить непрестижные педагогические институты самой активной и способной молодежью. В 1974/75 уч. году каждое среднее учебное заведение направило в вуз уже трех лучших выпускников. При этом, третий – соглашался на специальность, имеющую особую важность для народного хозяйства, но не популярную у абитуриентов [7, с. 117-118]. Следовательно, практика зачисления в вузы без экзаменов способной молодежи в Польше расширялась. В 1975/76 уч. году данная категория первокурсников составляла 8,5%, а в 1978/79 уч. году – 12,3% [5, s. 182]. Важно отметить, что успеваемость таких студентов была выше, чем у тех, кто был зачислен в обычном порядке. Кроме того, выяснилось, что социальный состав этой группы студентов более всего

соответствовал общественной структуре. Однако по мере ограничения приема в высшие учебные заведения сокращалось и количество студентов, которые поступали в вузы без сдачи вступительных экзаменов. Новые правила 1986 г. отменили льготы для лучших выпускников средних школ [12, s. 220]. Только 1,6% студентов были зачислены в польские вузы без вступительных экзаменов в 1987 г. [22, s. 14].

Таким образом, в основе системы отбора, как в болгарские, так и в польские вузы в эпоху социализма, лежали вступительные экзамены и показатели успеваемости в средней школе. Следовательно, главной целью вступительного конкурса было выявление способностей и уровня общей и специальной подготовки абитуриентов. При таком подходе система приема не создавала возможностей для оценки мотивации обучения по данной специальности потенциального студента. Вступительные экзамены позволяли выяснить знания, память, логическое мышление, однако не создавали возможностей воссоздать адекватную картину личности абитуриента, силу его характера, искренность, стремления.

Руководство вузов Болгарии и Польши предпринимало попытки оценить профессиональную пригодность будущих специалистов, которая рассматривалась как определенная гарантия работы по специальности. Однако к успехам эксперименты в этой области не привели. Так, в 1976 г. в Сельскохозяйственно-технической академии в Олыштыне для абитуриентов был подготовлен опросник, нацеленный на выявление его общественно-демографических характеристик, мотивации выбора профессии, планов на будущее в отношении профессиональной деятельности. Но зачисление производилось по итогам вступительных экзаменов [24, s. 76]. В медицинских вузах вместо экзамена по предмету попытались ввести педагогический экзамен в форме беседы на темы истории, литературы и географии. Но он не укоренился, поскольку комиссия не располагала нужными вопросами, а абитуриенты оказались не подготовлены к партнерской беседе с преподавателем [18, s. 58]. В середине 1980-х годов в прогноз будущего поведения абитуриента во время учебы в вузе включили его оценку педагогическими советами средних учебных заведений, так как исследования показали, что учет мнения средней школы о кандидате в студенты вместе с оценками в аттестате снижал риск ошибки на 1/3 [25, s. 18]. С 1986 г. квалификационная беседа с абитуриентом стала обязательной процедурой вступительного конкурса. Ее итоги могли существенно откорректировать результаты вступительных экзаменов: оценка могла достигать 10% проходного балла [12, s. 216]. Однако критерии оценки такой беседы не были четко определены и чаще она носила формальный характер. Например, во Вроцлавском политехническом институте, все абитуриенты, прошедшие беседу в 1989 г., получили одинаковые баллы [21, s. 127].

Иным путем решения проблемы профессиональной пригодности в Болгарии было обеспечение условий для семейной преемственности в профессиях. Начиная с 1960-х гг. преимуществами при поступлении в Горно-геологический институт пользовались дети шахтеров (в 1970-е гг. им предоставлялось 10% мест), в сельскохозяйственный институт – дети работников сельского хозяйства. При этом в 1963 г. для последних резервировалось 90% мест, в 1966 г. – 75 % мест, а после

1975 г. – только 10%. [14, с.3, 7; 26, с.17; 15, 1975, № 23, с. 4; 1966., № 25, с. 3].

Однако все попытки оценить профессиональную пригодность абитуриента растворялись в системе «остаточного» принципа заполнения мест в высших учебных заведениях. И в Болгарии, и в Польше на протяжении всего исследуемого периода сохранялась система поступления одновременно на несколько специальностей, и даже в несколько вузов. В результате специалисты часто получали нежеланные профессии. Принцип заполнения мест в вузах теми, кто не прошел по конкурсу провоцировал высокий отсев студентов, экономическую неэффективность высшего образования, создавал условия для внутриличностного конфликта.

К формальным критериям, которые ограничивали доступ к высшему образованию и в Польше и в Болгарии, следует отнести **возраст и состояние здоровья**. В Болгарии середине 1950-х годов возрастные ограничения в 30 лет были определены для студентов дневного обучения. Позже требования к возрасту абитуриентов стали дифференцироваться в зависимости от специальности и формы обучения. Возраст претендентов, например, в Институт физической культуры не мог превышать 27 лет для дневного и 35 лет для заочного отделения, в Институт театрального искусства – 25 лет, консерваторию – 28 лет для мужчин и 25 лет для женщин. Во второй половине 1980-х гг. возрастные ограничения в 24 года были введены на специальностях международные отношения и международные экономические отношения и 23 года на специальности педагогика комсомольской и пионерской деятельности. Все эти ограничения сохранялись до конца 1980-х годов и не распространялись только на «активных борцов против капитализма и фашизма» [26, с. 5, 22; 15, 1966, № 25, с 3; 1988, № 14, с 7].

Таким образом, включение возрастных параметров в систему отбора в болгарские вузы было обусловлено не только стремлением эффективного использования государственных средств, затраченных на подготовку специалистов, но и необходимостью снижения конкурса на наиболее престижных направлениях обучения.

В Польше ориентация на людей молодых при формировании студенческого контингента не только дневного, но и заочного отделения была в большей степени обусловлена общественными традициями, нежели юридическими нормами. Внимание к возрасту абитуриента в политике формирования студенческого контингента в этой стране было значительно ниже, чем в Болгарии. В 1948 г. возрастные ограничения были установлены для учащихся подготовительных отделений. В 1952 г. для абитуриентов высших инженерных школ (с 20 до 26 лет) [16, 1951, № 48, poz. 355; 1952, № 38, poz. 266]. Возрастных ограничений на стационар правила приема в польские вузы не предусматривали. Не было и единых требований к возрасту абитуриентов отделений для работающих. Данный критерий использовался в сельскохозяйственных вузах, где студентами могли стать лица не старше 45 лет, а также в вузах физвоспитания и культуры, установивших барьер для заочников в 40 лет [27, s. 224, 232, 235].

Введение, наряду с интеллектуальными, физических параметров абитуриентов в систему конкурсного отбора вузов соответствовало социалистической концепции подчинения высшей школы и отдельной личности

государственным интересам. Данный подход объясняет и повышенный интерес приемных комиссий в Болгарии и Польше к состоянию здоровья будущих специалистов.

Все польские абитуриенты, начиная с 1948 г., обязаны были проходить медицинский осмотр, от результатов которого зависела возможность поступления в вуз. Состояние здоровья, как важный критерий для отбора в вузы, фиксировали все последующие правила приема на протяжении 1950-1980-х гг. Медицинское свидетельство, предоставляемое абитуриентом, должно было подтвердить отсутствие заболеваний препятствующих трудовой деятельности по избранной специальности [16, 1951, № 31, роз. 246]. Особенно высокие требования предъявлялись к состоянию здоровья претендентов на спортивные и педагогические специальности. Последние подвергались тщательному медицинскому осмотру, организуемому специальными воеводскими комиссиями на предмет годности к учительской работе [27, с. 9].

В начале 1950-х гг. ограничения по состоянию здоровья вводятся и для болгарских абитуриентов. Медицинский осмотр проводился в вузе и включал рентгеновское обследование, проверку зрения, слуха, разговорной речи [28, с.403]. Сначала доступа к высшему образованию оказались лишены лица, страдающие инфекционными и хроническими заболеваниями, а в учительские институты не принимались абитуриенты с дефектами слуха и зрения [10, с.10; 28, с.390]. Со временем перечень заболеваний, препятствующих обучению в высших учебных заведениях, расширился. Не могли учиться в вузах лица с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, расстройствами слуха, зрения, аллергическими заболеваниями, повреждениями опорно-двигательного аппарата и т. д. [26, с. 46-56]. В конце 1980-х гг. на престижные специальности, такие как международные отношения и международная экономика, принимались только абсолютно здоровые юноши и девушки [15, 1988, № 14, с. 10-12].

Таким образом, в формировании политики доступа к высшему образованию не учитывались интересы такой незащищенной группы общества, как инвалиды. Люди с физическими недостатками не имели возможности для самореализации и интеллектуального развития с помощью государства.

Так как наряду с подготовкой высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства высшие школы Болгарии и Польши решали и задачу воспитания кадров народной интеллигенции «в коммунистическом духе», «в духе преданности Родине и борьбе за мир и социализм» [29, с. 67; 16, 1952, № 6, роз. 38.], в системе критериев конкурсного отбора после второй мировой войны важное место заняли **морально-политические критерии**, к которым следует отнести политическую благонадежность, общественную и трудовую активность абитуриента. Так, в Польше уже в 1947 г. борцы за свободу и общественные деятели, для которых резервировалось 20% мест, были освобождены от вступительных экзаменов [16, 1947, № 10, роз. 247]. В 1948 г. получили преимущества при зачислении активисты молодежных организаций. Необходимость учета общественной активности абитуриента была закреплена законом о высшем образовании 1951 (§10.3). При этом к вступительным экзаменам могли быть допущены только абитуриенты, имеющие направления школьных и

поветовых квалификационных комиссий (§3) [16, 1951, № 31, роз. 246]. В 1950-е годы партийная принадлежность абитуриента играла важную роль при зачислении в вуз [30, с. 35]. После 1956 г. внимание к морально-политическим критериям было ослаблено, но и в 1970-е гг. такие критерии, как членство в молодежных организациях и общественная активность абитуриентов, по-прежнему учитывались при отборе кандидатов в польские вузы. Преимуществами при прочих равных условиях при зачислении в вузы пользовались лица, имеющие заслуги в борьбе за укрепление народной власти, дети инвалидов войны [7, с. 117-118]. Решающая роль в оценке моральных и гражданских качеств абитуриентов принадлежала средним учебным заведениям и предприятиям, направляющим своих работников на учебу. Однако представляемые с места работы или учебы характеристики не были глубокими по содержанию и повторяли, как правило, одни и те же шаблоны [31, с. 80]. Данный факт еще раз подтверждает доминирование формальных критериев при отборе в вузы.

Еще большее значение морально-политическим критериям отбора придавалось в Болгарии, в вузы которой в 1950-е гг. не допускались лица с «фашистскими», в 1960-е гг. – с «антинародными», а в 1970-е гг. – «антиобщественными» взглядами [10, с. 5; 14, с. 3; 15, 1978, № 22, с. 226]. Напротив, с первых послевоенных лет в Болгарии были определены привилегии для особой категории «антифашистской молодежи», которые не только стали пожизненными, но и в ряде случаев передавались по наследству. Так, начиная с 1959/60 уч. года и до конца 1980-х годов, 10 % мест на все специальности отводилось абитуриентам из бывших партизан, узникам концлагерей, активным борцам против фашизма и капитализма и их детям. При этом, если сразу после войны можно было установить, кто был партизаном, а кто политзаключенным, то в последующие годы стремление к получению льгот привело к распространению, по справедливому замечанию В. Чичовской, «революционной автобиографической беллетристики» [32, с. 40-41].

Важно отметить, что все сведения о кандидатах заверялись местными народными советами, без согласия которых документы в вуз не принимались [13, с. 7]. Впоследствии были созданы специальные комиссии местных народных советов, которые проводили оценку морально-политических качеств абитуриентов [14, с. 3]. Со временем необходимость рекомендации от властных структур при поступлении в вуз отпала. Во второй половине 1970-х гг. характеристика из окружного совета требовалась только абитуриентам, поступающим на престижные факультеты журналистики и международных отношений [15, 1978, №22, с. 229]. Но требование представить характеристику с места работы службы или учебы о политической благонадежности, общественной активности и других качествах абитуриента, сохранялось до конца 1980-х гг. [15, 1988, №14, с.5].

Трудовая этика социализма обусловила большое внимание к наличию **трудового стажа** у абитуриентов. В 1959 г. в Польше обрели привилегии первоочередного зачисления в высшие учебные заведения молодые люди, которые проработали в сфере физического труда и по избранной специальности не менее года. Для получения статуса студента архитектурного и строительного

факультета стаж от 6 до 10 месяцев в строительстве на рабочей должности был обязателен. В 1960-х гг. были введены дополнительные баллы за стаж работы. Для лиц физического труда, которые непосредственно перед поступлением в вуз имели стаж практической работы не менее двух лет предусматривалось 3 дополнительных балла, а поступающие с двухлетним стажем непрерывной работы иного характера получали 2 балла [27, s. 24; 33, s. 91].

Лица с трудовым стажем (минимум двухгодичным), наряду с рационализаторами и ударниками производства, пользовались преимуществами при поступлении и в Болгарии [14, с. 4]. При этом «трудоу» льготы в Болгарии дифференцировались в зависимости от специальности [26, с. 22-23]. В 1960-х гг. на такие направления обучения как журналистика, философия, политэкономия, право двухгодичный трудовой стаж был обязательным условием приема [14, с. 3]. На общем фоне социалистических стран Болгария выделялась относительно высоким удельным весом студентов с трудовым стажем. Так, исследования конца 1970-х гг. показали, что 10,3% студентов работали до поступления вуз в качестве рабочих, 0,4 – колхозников, 10% – служащих [34, с. 24]. Данную тенденцию можно объяснить тем, что в 1974 г. было принято постановление Совета министров «Об обеспечении работой или профессиональной подготовкой молодежи, которая не работает и не учится». Результатом борьбы с тунеядством стало включение в правила приема в 1974 г. нового положения о том, что все абитуриенты, кроме окончивших гимназии в год поступления, должны были иметь непрерывный трудовой стаж [15, 1978, № 22, с. 231]. Поскольку характер труда кандидатов в студенты не отвечал утвержденным государственным приоритетам с 1984 г. льготы за стаж могли получить только отработавшие в материальном производстве и сельском хозяйстве в качестве рабочих [15, 1984, № 10, с.105-106.]. Такой подход, с одной стороны, способствовал улучшению показателей социальной структуры студенчества, с другой, – позволял удовлетворять острые потребности в некавалифицированной рабочей силе.

Начиная с 1947 г. важную роль при приеме в вузы в рассматриваемых странах стал играть фактор **социального происхождения** абитуриентов. В рамках такого подхода властные структуры Польши и Болгарии стремились увеличить образовательные возможности для женщин и мужчин из низших слоев населения и сократить их для бывшей социальной верхушки. Это соответствовало целям социалистической дестратификации общества. Кроме того считалось, что студенческая молодежь, происходящая из рядов интеллигенции или предпринимателей, в большей степени подвержена воздействию со стороны реакционной, т.е. антисоциалистической буржуазной идеологии. Таким образом, в основу формирования студенческих коллективов был положен классовый подход, согласно которому студенты, как подчеркивалось в документах V съезда Болгарской Коммунистической партии (1948 г.) должны набираться «из сыновей и дочерей рабочего класса и трудящихся». В январе 1950 г. было принято решение Политбюро ЦК БКП «О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции», согласно которому в 1950/1951 уч. году необходимо было принять в вузы 30-40% молодых рабочих из среды

ударников и рационализаторов производства [35, с. 154, 239].

В Польше установка на представительство привилегированных трудовых социальных групп в вузах в эти годы определялась в 60% [36, s. 212]. На реализацию заданных пропорций была направлена сложная конкурсная процедура набора в вузы, в которой учитывалось мнение квалификационных комиссий с участием членов общественных организаций, а решающий голос имел представитель министерства. В конце 1940-х гг. приоритет рабоче-крестьянской молодежи был обеспечен на наиболее востребованных факультетах: лечебном, стоматологическом, фармацевтическом, и некоторых технических специальностях [37, s. 140].

После 1956 г. система приема в вузы была несколько либерализована, но социальные критерии при отборе в вузы сохранились как преимущество при прочих равных условиях.

В приемах, с помощью которых властные структуры Болгарии и Польши стремились обеспечить расширенное представительство привилегированных социальных групп, прослеживаются некоторые различия. Так, в болгарских вузах выходцам из рабочих и крестьянских семей отводилось определенное количество студенческих мест. При этом квота, которую резервировали болгарские правила приема в вузы для представителей рабочих и крестьянских семей, дифференцировалась в зависимости от специальности и времени. Например, в конце 1950-х гг. им отводилось 20% мест в сельскохозяйственных и технических вузах [38, с. 5]. В начале 1970-х гг. для детей рабочих в болгарских вузах была установлена квота в 10% мест, а в вузах искусства – 50% мест. При этом были конкретизированы требования, предъявляемые к категории рабочих семей. Родители претендентов на льготы должны были обладать как минимум 10-летним рабочим стажем [15, 1972, № 33, с. 3]. Выходцы из крестьян в 1970-х гг. могли претендовать на 10% мест только в сельскохозяйственных вузах [15, 1975, № 23, с. 3]. В 1980-х гг. в Болгарии, с перемещением акцента с социального происхождения абитуриентов на территориальное, целевые привилегии за социальное происхождение упраздняются.

В Польше до середины 1960-х гг. существенных преимуществ представители рабочих и крестьянских семей не имели. Но в 1965 г. началось внедрение в конкурсный отбор системы дополнительных баллов за социальное происхождение. До 1968 г. абитуриенты из семей рабочих и крестьян получали 3 дополнительных очка, затем балл за социальное происхождение был повышен до 5 [33, s. 91; 39, s. 254].

Эта система явилась реакцией на практику репетиторства, доступного в основном абитуриентам из семей интеллигенции больших городов. Очевидно, что она была дискриминационной по отношению к детям из этих семей. Дополнительные пункты заметно облегчили доступ к высшему образованию выходцам рабочих и крестьян [8, s.204]. Как показали специальные исследования, дополнительные баллы помогали поступить в вуз 20-30% абитуриентам рабочего и крестьянского происхождения [39, s.257].

Однако дополнительные баллы вызывали критику в академической среде и недовольство общественности за пределами вузов. Начиная с 1985/86 уч. года применение

дополнительных очков за социальное происхождение было ограничено. Но предполагалось, что 20% мест, которые, согласно новым правилам, отдавались на усмотрение приемных комиссий вузов, будут использоваться для регулирования социального состава студентов [12, s. 217].

Таким образом, молодежь крестьянского и рабочего происхождения сохраняла определенные преимущества при поступлении в польские вузы вплоть до начала 1990-х гг. В качестве примера можно привести Ягеллонский университет, приемная комиссия которого в 1987/88 уч. году имела вне рамок лимита 340 мест для кандидатов рабочего и крестьянского происхождения и других привилегированных групп [36, s. 212].

Общественные изменения постепенно вели к тому, что основным фактором неравенства становилось не социальное происхождение, а территориально-культурная среда жизни абитуриента. Безусловно, высшая школа должна была реагировать на эти изменения.

В Болгарии, начиная с 1950-х гг. правила приема предусматривали определенное количество мест на медицинских, ветеринарных, лесотехнических и сельскохозяйственных факультетах для жителей отсталых в экономическом отношении округов: Кырджалийского, Разградского, Силистринского, Хасковского, Ямбольского и других. Однако главная задача, которую решало болгарское руководство в процессе предоставления льгот при поступлении в вузы жителям провинциальных регионов, заключалась в преодолении региональных диспропорций в образовательном уровне населения и насыщении квалифицированными кадрами провинции. В связи с этим выбор вуза и специальности для представителей тех или иных регионов жестко ограничивался. Места для представителей регионов резервировались в вузах с учетом дефицита кадров по отдельным специальностям. Кроме того, например, жители Бургаского, Кырджалийского, Смолянского и Хасковского округов пользовались преимуществом только при поступлении в Пловдивский медицинский институт, но не имели льгот при поступлении в Софийский или Варненский медицинские институты [14, с. 6-7]. С 1975 г. все абитуриенты медицинских вузов были полностью лишены права выбора высшего учебного заведения. Это означало, что поступать в медицинские институты можно было только по месту жительства [26, с. 8, 10; 15, 1978, № 22, 228]. С 1976 г. 80% мест на педагогические и сельскохозяйственные направления обучения предоставлялись исключительно для жителей данного округа [15, 1976, № 20, 9 март, с. 3-4]. Таким образом, по сути дела, в Болгарии складывалось своеобразное образовательное гетто. Молодежь ограничивалась в праве территориального выбора вуза.

Территориальный критерий оценки абитуриента учитывался и при отборе в вузы в Польше. Но в этой стране где, в отличие от Болгарии, не утвердилась жесткая система распределения выпускников целью региональных льгот были несколько иные мотивы. Так, в 1948 г. при прочих равных условиях преимуществами при зачислении пользовались абитуриенты с возвращенных западных земель [40, s. 7-10]. С 1982/83 уч. года в сельскохозяйственных академиях освобождались от участия в конкурсе абитуриенты из деревень и малых городов (до 5000 жителей), получившие положительные оценки на вступительных экзаменах [25, s. 19]. В 1984/85

уч. году такие же правила были введены в педагогических вузах. Таким образом, прослеживается стремление уравнивать шансы молодежи из крупных городов и деревень, имевшей разные условия стартового образовательного развития. Однако ограниченный круг специальностей свидетельствует о том, что параллельно и в Польше решалась задача насыщения кадрами непрестижных профессиональных направлений.

Таким образом, постоянные модификации систем конкурсного отбора в Болгарии и Польше были вызваны изначальным конфликтом принципов, заложенных в систему селекции при переходе к уровню высшего образования. С одной стороны, необходимо было отобрать «лучших», наиболее способных среди абитуриентов. С другой, – удовлетворить потребности в общественной справедливости и равенстве. В итоге противоречивыми были и многочисленные требования, предъявляемые к качествам будущего студента.

Единство целей и задач, которые были поставлены перед высшей школой Болгарии и Польши, обусловило сходство систем приема в вузы в этих странах. Однако заметно, что польские вузы предоставляли больше возможностей для реализации индивидуальных склонностей и стремлений молодежи, чем болгарские. Об этом свидетельствуют отсутствие в процедуре отбора индивидуальной дискриминации абитуриентов по территориальному признаку, значительной дифференциации критериев в зависимости от престижности специальности. Однако, в целом, социалистическая система отбора в вузы, основанная на позитивной дискриминации, сохраняла значительные бреши в принципах социального равенства в обеих исследуемых странах.

Примечания:

- 1 Доступ к высшему образованию в Европе. – Бухарест: ЮНЕСКО. СЕПЕС, 1981. – 94 с.
- 2 Студенты в Болгарии. – София: София пресс, 1981. – 65 с.
- 3 Rocznik statystyczny szkolnictwa 1944/45 – 1966/67. – Warszawa: Główny urząd statystyczny Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej, 1967. – 557 s.
- 4 Rocznik statystyczny szkolnictwa 1972/73. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1973. – 333 s.
- 5 Rocznik statystyczny szkolnictwa 1978/79. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1979. – 234 s.
- 6 Rocznik statystyczny szkolnictwa 1987/88. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1988. – 260 s.
- 7 Янушкевич Фр., Жор А. Комплектование вузов Польши студенческим составом, проблемы и некоторые решения // Современная высшая школа. – 1974. – № 3. – С. 115-127.
- 8 Wiziński W. Uniwersytet Wrocławski: 1945-1995. – Wrocław: Wydawnictwo Leopoldinum, 1995. – 539 s.
- 9 Informator o organizacji i trybie studiów w Uniwersytecie Łódzkim. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1970. – 47 s.
- 10 Справочник за кандидат-студента за учебната 1951-1952 година. – София: Наука и изкуство, 1951. – 150 с.
- 11 Wiśniewski W. Kryteria kwalifikowania młodzieży na studia wyższe a wydajność w nauce // Życie Szkoły Wyższej. – 1969. – № 10. – S. 13-21
- 12 Tomaszewska-Kempka Z. Rekrutacja na studia – problemy i propozycje // Dydaktyka Szkoły Wyższej. – 1988. – № 3. – S. 213-220.
- 13 Сборник от закон и правилници по висшето образование. – София: Наука и изкуство, 1949. – 98 с.

- 14 Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения (1963-64 г.). – София: Държавно издателство «Наука и изкуство», 1963. – 94 с.
- 15 Държавен вестник. Официален орган на Народното Събрание. – София.
- 16 Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa.
- 17 Stanik J. M. Psychologiczne uwarunkowania powodzenia i niepowodzenia w studiach // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1976. – №11. – S. 71-86.
- 18 Opienska-Blauth J. Kryteria przyjęć na wyższe studia i egzaminy wstępne (artykuł dyskusyjny) // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1979. – № 1. – S. 57-61.
- 19 Czyżyk K. Wyniki doboru kandydatów na I rok studiów wyższych w 1958 r. // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1958. – № 10. – S.44-50.
- 20 Osiński J. Uwarunkowania społeczno-przestrzenne selekcji młodzieży do studiów wyższych. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1977. – 180 s.
- 21 Ciekotowa K., Jasiński R. Rekrutacja i kwalifikowanie na studia a efektywność systemu edukacyjnego. – Warszawa-Łódź: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1990. – 279 s.
- 22 Jastrząb-Mrozicka M. Decyzje i motywy podejmowania studiów // *Student 1987*. Komunikat z badań. – Warszawa-Łódź: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1990. – S. 8-28
- 23 Najduchowska H. Aspiracje edukacyjne maturzystów Warszawy. Komunikat z badań. – Warszawa-Łódź: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. 1 – 05 s.
- 24 Kuziel F., Pietraszek T. Rekrutacja kandydatów na wyższe uczelnie rolnicze // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1977. – № 6. – S.73-81.
- 25 Kluczyński J. Szkolnictwo wyższe w czterdziestoleciu Polski Ludowej. – Warszawa-Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986. – 103 s.
- 26 Справочник за кандидат-студенти. 1980-1981. Свiтък 1. – София: Наука и изкуство, 1980. – 336 с.
- 27 Informator dla kandydatów do szkół wyższych na rok szkolny 1960/61. – Warszawa: Ministerstwo szkolnictwa wyższego, 1959. – 299 s.
- 28 Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета. – София: Държавно издателство "Формуляри и регистри", 1956. – 851 с.
- 29 Закон за висшето образование // *Наука и висше образование*. – София: Наука и изкуство, 1961. – 67-72.
- 30 Trojnak D. Pięćdziesiąt lat później // *Alma Mater*. – 2000. – № 24. – S.35-36.
- 31 Ochendowski E. Pozycja prawna studenta uniwersytetu // *Model prawny szkoły wyższej a zasady zarządzania*. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1980. – S.75-88.
- 32 Чичовска В. Политиката срещу просветната традиция. – София: Университетско издателство "Св. Климент Охридски", 1995. – 457 с.
- 33 Gruszczyńska J., Kubiak U., Rongiers G. System rekrutacji a skład społeczny studentów // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1977. – № 6. – S. 91-99.
- 34 Молодежь и высшее образование в социалистический странах / Отв ред. Филиппов Ф.Р., Митев П.Э. – М.: Наука, 1984. – 142 с.
- 35 Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК – София, 1955. – Т. 4. – 542 с.
- 36 Stopka K., Banach A. K., Dybiec J. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. – 242 S.
- 37 Chodakowska J. Rozwój szkolnictwa wyższego w Polsce Ludowej w latach 1944-1951. – Wrocław-Warszawa- Kraków-Gdańsk-Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. – 195 s.
- 38 Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения за учебната 1958/1959 г. – София: Формуляри и регистри, 1958. – 128 с.
- 39 Zalewski J. Droga młodzieży do studiów wyższych // *Uczelnia na miarę współczesności*. – Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1983. – S.251-265.
- 40 Spis wykładów Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Rok akademicki 1948/49. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1948. – 242 s.